

Эдвард Радзинский

Снимается кино

Часть сборника
Пьесы

Эдвард Станиславович Радзинский

Снимается кино

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436273
Пьесы / Эдвард Радзинский.: АСТ, Зебра Е; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-055247-4, 978-5-9713-9168-5

Аннотация

«Снимается кино» (1965) – одна из ранних пьес известного драматурга Эдварда Радзинского. Пьеса стала своеобразной попыткой разобраться в самой сути понятия «любовь».

Содержание

Действие первое	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эдвард Радзинский

Снимается кино

Действие первое

Над сценой надпись «Павильон № 2». Уголок съемочного павильона на киностудии. Ставят свет: зажжены юпитеры. Кинооператор прильнул к камере. Перед камерой стоит Киноактер Чуть поодаль – массовка: Старец с бородой и ослепительная Блондинка. В течение сцены Старец саркастически усмехается, а Блондинка крайне озабочена тем, чтобы незаметно встать поближе к съемочной камере. Все это происходит в глубине сцены. Ближе к зрителям стоит режиссер фильма Нечаев. Ему около тридцати. Рядом с ним – ассистент режиссера Зина. Коротко стрижена и в брюках – облик подростка. Нечаев, как и подобает подлинному режиссеру, совершает одновременно тысячу разных дел: руководит установкой света, подписывает что-то Зине и беседует с руководителем джазового трио – Трубочом. Двое других джазистов из трио – Гитара (рассудительный пожилой человек) и Ударник (опечаленный молодой человек) – сидят на стульях на самом переднем плане и, отставив инструменты, неторопливо беседуют.

Ударник *(печально)*. Сейчас они установят свет, потом начнется репетиция, а потом уже будет съемка.

Гитара. Вы все знаете. Это очень хорошо так много знать в молодом возрасте.

Ударник *(вздыхнув)*. Просто когда я был дрессировщиком, у меня снимали тигра Акбара. Он отгрыз потом ухо у укротителя Сорокина-старшего. Дельный был тигр. Он мне часто снится по ночам.

Гитара *(рассудительно)*. Ночью старайтесь спать без снов, пусть отдыхает голова.

К джазистам подходят Нечаев и Трубоч.

Трубоч *(представляя)*. Режиссер-постановщик фильма и автор сценария – Федор Федорович Нечаев. А это – мои молодцы. Сидорук – барабан и электрогитара, товарищ...

Гитара *(поспешно, так как его фамилию всегда неприлично путают)*. Жгунди...

Трубоч. Вот именно. *(С энтузиазмом)* Обстановочка такова: мы будем одновременно джазовым трио и греческим хором...

Нечаев. Знаете ли вы, что такое греческий хор?

Гитара *(рассудительно)*. Это хор, который состоит из греков.

Нечаев *(что-то заметив и сразу переключаясь, Зине)*. А где товарищ Фекин?

Зина *(тотчас кричит)*. Фекин! Товарищ Фекин! *(Не без радости)* Фекина нет.

Нечаев. Интересно! Бороды у массовки приклеены черт знает как, а Фекина нет. Посмотрите, как держится борода у того старца. Она косая! Зина, подойдите, дерните его за бороду и отнесите бороду Фекину.

Зина *(решительно подходя к Старцу)*. Простите. *(Дергает его за бороду)*

Старец. Что вы делаете?

Зина. У вас косо приклеена борода. *(Дергает снова, борода не отрывается, и Зина, уже все поняв, от испуга снова дергает)*

Старец. Это моя! Это моя!

Зина. Ой, ради бога... простите! *(Возвращается к режиссеру.)*

Неловкая пауза.

Нечаев. Тем хуже. Бороды у массовки настоящие, а выглядят как приклеенные. Это значит – они плохо подстрижены. А это уже ваша вина, Зина. И вообще, я не могу сам за всем следить!

В этот момент Блондинка, воспользовавшись суматохой, незаметно подвинулась к съемочной камере.

Кинооператор (*не отрываясь от камеры, умоляюще*). Федор Федорыч, а она опять...

Нечаев (*тотчас переключаясь, Блондинке*). Скажите, девушка, почему вас все время столь непостижимо тянет к съемочной камере? Почему вы не хотите понять, что вы массовка, что вы должны стоять на заднем плане, что вы... (*Махнул рукой, джазистам.*) Греческий хор в нашем фильме будет представлять, что ли... пародию на излишний модернизм. Короче, в самых ненужных местах вы будете вламываться в действие, произносить речитативом какой-нибудь абсурдный текст, потом играть и в заключение – глубоко вздыхать: «А-а-а!» Как греческий хор. Непонятно?... Ну, в порядке бреда приведу один пример. Предположим, один из вас говорит: «О, весна! Весной мы все влюблены! О, весна!» Другой подхватывает: «О, весна! Весной не хватает витаминов!..».

Гитара (*серьезно*). Это очень большая правда – весной плохо обстоит с витаминами. А в конце концов главное – чтобы мы были здоровы.

Нечаев (*в восторге*). Заиграли!

Трубач. Заиграли!

Трио играет.

Вздохнули!

Трио (*хором*). А-а-а!

Нечаев. Вы отлично симпровизировали, товарищ...

Гитара. Жгунди.

Нечаев. В дальнейшем мы, может быть, даже попробуем импровизацию.

Блондинка в это время попыталась вновь привлизиться к камере.

Кинооператор. Федор Федорыч, а она опять...

Блондинка тотчас отступает, но Нечаев уже стремительной походкой идет в глубь павильона наводить порядок.

Трубач (*джазистам*). Итак, мы греческий хор с типовым вздохом: «А-а-а!» Вопросы есть? Заиграли, мальчики родимые!

Играют.

Вкуснее заиграли. Пошел ударник. Все верно. (*Стонет от восторга*) Все верно... как у Жюль Верна. (*Трубит, обрывает.*) Типовым вздохом вдарили!..

Трио. А-а-а!

В продолжение картины Трио репетирует, играет и периодически глубоко вздыхает.

Нечаев (*в глубине павильона, Зине*). Начали!

Зина. Тишина в павильоне. Репетиция. Киноактер (*говорит текст сценария*). Так.

Нечаев. Стоп!.. Еще прибавьте мучительной сосредоточенности. Понимаете... как только вы входите в парадное... (*Вдруг вновь что-то вспомнил, кричит*) Фекин! Где этот Фекин, черт его побери!

Зина (*радостно кричит*). Товарищ Фекин! Фекин!..

В павильон вбегает Фекин

Нечаев (*изысканно*). Рад вас видеть, Борис Григорьевич!

Фекин. Вы хотите узнать, где я был.

Нечаев. Несомненно.

Фекин (*скороговоркой, вдохновенно*). Я ходил узнавать, во-первых, когда вам выдадут зарплату...

Нечаев (*столь же изысканно*). Я получил ее час назад.

Фекин (*не теряясь*). Во-вторых, в проходной ждет ваша жена, я ей должен выписать пропуск. И наконец, в-третьих, в комнате отдыха по-прежнему не исправлен замок, и я искал слесаря.

Нечаев. Но не нашли?

Молчание.

(*Зловеще, Зине*) Что написано в сценарии, прочитайте, пожалуйста, товарищу Фекину.

Зина. Кадр сто двадцать пять – от среднего до крупного. Виктор входит в парадное. В парадном стоит целующаяся пара.

Нечаев. Где?

Фекин. Кто?

Нечаев. Целующаяся пара, очевидно... Насколько я помню, мы вчера с вами договорились...

Фекин. Здесь возникли такие обстоятельства...

Нечаев (*зловеще спокойно*). Борис Григорьевич, мы договорились с вами раз и навсегда: почему вы не сделали чего-то и какие на то были обстоятельства, вы мне впредь сообщать не будете. Вы мне будете сообщать...

Фекин. Я попрошу вас, Федор Федорович!.. Нечаев...вы мне будете сообщать лишь в тех редких случаях, когда вы что-то сделали. А сейчас я спущусь за сигаретами в буфет. Надеюсь, когда я вернусь, целующаяся пара будет на месте, а поцелуи отрепетированы. До скоро свидания. (*Уходит,*)

Трио (*вздыхает*). А-а-а!

Фекин начинает ругаться. Он ругается без слов, беззвучно раскрывая рот. Зина с усмешкой наблюдает за ним.

Фекин. Целующаяся... и пара...

И сразу перед ним возникает Блондинка. Критически ее оглядывает, качает головой. Блондинка отступает назад. Жестом подзывает к себе Зину, и они напряженно вглядываются в глубь сцены, туда, где сидит на скамейках невидимая нам массовка.

Вон ту... хорошенькую, наивную... и этого... хилого, в шарфе. Ведите их!

Зина выводит из глубины сцены **Девушку** лет двадцати и **Парня**, одетого со щегольской бедностью: старая ковбойка, лыжные ботинки, узкие брюки и шарф.

(Оглядев пару) Это ему понравится. *(Деловито.)* Целуйтесь!

Девушка от изумления даже потеряла дар речи.

Парень *(не смутившись)*. А, собственно, почему?

Фекин *(устало)*. Потом, товарищи, потом все выясним. А сейчас целуйтесь!..

Парень. Все-таки я хотел бы понять...

Фекин. Снимать вас будем. Все понятно? Активнее, товарищи, мало времени. Целуйтесь!

Парень *(обретая дар речи)*. А я не хочу!

Фекин. Чего не хотите?

Девушка *(от испуга затвердила одну фразу)*. А я не хочу!

Фекин. А кто вас спрашивает? Вы на работе, девушка, ясно? Ну, поупрямились, и довольно. Вся страна узнает ваш поцелуй. Вас будут потом снимать в советско-аргентинском фильме. Целуйтесь!

Девушка. А я не хочу!

Фекин. Ну и не надо. *(Трагически)* Не целуйтесь. Пусть меня с работы из-за вас выгонят... *(Подумав)* И Зину тоже. Ну, что нам, понимаете, на колени перед вами встать? Давайте встанем! Зина, иди становись перед ней на колени. Я, немолодой, семейный человек, я тоже сейчас встану на колени. *(Не двигаясь с места)* Можете считать, что я уже встал. Вы видели нашего режиссера? Он – не человек. *(Ударнику)* Как звали этого тигра, который отгрыз...

Ударник *(радостно)*. Акбар его звали...

Фекин. Вот! Он – Акбар. Он не станет снимать без целующейся пары. А как устали люди... Вымотались люди. Ждут вас люди!

Девушка совсем растерялась, а Парень насмешливо следит за происходящим.

Голуба, я вижу: вы – чистая, вы – скромная, вы – ангел. Но ведь искусство – ему жертвы подавай, ис-кусс-тву! *(Кричит неожиданно повелительно)* Целуйтесь!

Парень наклоняется к Девушке, та испуганно на него смотрит. Они целуются.

Нечаев *(входя)*. Стоп! *(Мягко)* Не так. Так не целуются, товарищи, когда любят. *(Шепотом, Фекину)* По типу очень хороши...

Фекин *(тоже шепотом)*. А вот вы всегда наброситесь... Иду выписывать пропуск вашей жене. *(Тотчас исчезает)*

Нечаев *(походив по павильону, обращается к паре)*. Мы снимаем фильм про любовь... Зина потом передаст вам сценарий... Сейчас снимается сцена в парадном. По замыслу, куда бы ни пошел наш герой в этот вечер, всюду на заднем плане будет проходить целующаяся пара. Это бесконечно целующаяся пара. Это – символ. Вы будете как бы олицетворять... Ненавижу это слово. *(Вдруг застенчиво улыбнулся)* Ну, в общем, понятно. Теперь попробуем.

Девушка и Парень целуются.

Опять не так. Понимаете, это их первый поцелуй. Первые поцелуи – безумные. Они только что раскрыли радость поцелуя, у них ничего нет, кроме этого, и поэтому они целуются – смертельно!

Фекин (*вбегая, торжественно*). Федор Федорович, перерыв на обед!

Затемнение.

Над сценой – надпись «Комната отдыха». Нечаев и его Жена. Она, видно, только, что вошла. Накладывает еду из принесенных с собой каких-то нелепых судков. Нечаев молча, почти машинально ест.

Жена. Ты чувствуешь, что ты сейчас ешь? Ты съел сейчас половину моего дня.

Нечаев. Действительно, глупо носить обед из дома.

Жена. Да, умнее, если бы ты питался в творческом буфете. А потом неделю ходил бы с больным желудком, а я целый день варила тебе бульон.

Нечаев молча ест.

Отчего люди так противно едят? И вообще все эти тарелки!.. Боже мой, кто придумал эту еду?

Нечаев (*поднял голову, молча смотрит на нее, потом, стараясь не торопиться, снова ест. После паузы*) Что-нибудь произошло?

Жена. Ничего... Да, сейчас встретила на улице нашу ботаничку Софу. Она шла в коротеньком девичьем платьице. «Здравствуйте, Софа». А Софе за пятьдесят, и все над ней смеются. А мне вот страшно на нее смотреть. Она тридцать лет в одной школе: сначала была пионервожатая Софа, потом молоденькая учительница Софа. И так все тридцать лет, и все в одной школе, и все «Софа», «Софа». И она не заметила, как прошло время. И для себя она по-прежнему Софа в коротеньком платьице. И вот так же пройдет моя жизнь. И ничего ты не увидишь, и ничего ты не заметишь: обеды, ужины, зарплата. Смешно! Раньше ко мне часто приставали на улицах, и я сердилась. А сейчас почти никто не пристаёт, и скоро я уже буду сердиться от этого.

Нечаев. Да, я получил зарплату...

Жена (*яростно*). Надоело! Эти деньги, деньги! Потом их вечно не хватает, потом...

Нечаев. Да, конечно. Когда я получал восемьдесят рублей, нам хватало. Теперь я получаю...

Жена. Мне скучно от этих разговоров!

Нечаев. Я просил тебя поехать в дом отдыха!

Жена. Дура, что не поехала! Торчать в свой отпуск в городе, с обедами! Что ты молчишь?

Нечаев. Думаю.

Жена. О чем же?!

Нечаев. О том, что после этой сцены мне придется идти снимать.

Жена. Ах да, конечно. Творить фильм о любви. Интересно, как ты можешь снимать фильм о любви, если ты абсолютно не знаешь, что это такое? Нет, по-моему, тебе нужно влюбиться в какую-нибудь девушку из массовки. Например, в ту – «целующаяся пара». Милая современная девчушка... Впрочем, ты этим не интересуешься. Нет, тебя даже совершенно не в чем упрекнуть! Ты даже не пьешь. А лучше бы ты пил, бегал бы за каждой юбкой, но был бы мужчина! Как мне все это надоело! Я устала! Что делать! Я устала от «великого творчества». Я хочу серости. Я устала!

Нечаев. Тише... Тише... Тише...

Молчание.

Ты была удивительно восторженная когда-то. Только в девушках есть эта восторженность. Есть принцессы среди девушек, но нет королевы среди женщин. Это такая пословица.

Жена. Прости, я виновата: я повзрослела. Я виновата, что хочу нормальной человеческой жизни. Чтобы ты возвращался домой к ночи, как все люди. Чтобы не я руководила домом, а чтобы мной руководили и чтобы мне говорили... хотя бы иногда... как меня любят, потому что я женщина! Почему ты опять молчишь?

Нечаев. Мне не хочется с тобой ссориться. Когда-то у нас были великолепные ссоры. Насмерть. Такие ссоры бывают только у влюбленных.

Жена. Ты прав, у нас все было. Ну ладно.

Нечаев. Что – ладно?

Жена. Я уезжаю на юг ночным поездом. *(Пауза. Не двигается, ожидая, когда он начнет ее уговаривать. Нечаев молчит)* До свиданья!

Нечаев. До свиданья!

Жена. Чистое белье я сложу в твой шкаф.

Нечаев. Спасибо.

Жена. До свиданья.

Нечаев. До свиданья!

Жена *(поворачивается, медленно идет к двери, толкает дверь, но дверь не открывается. Она толкает ее снова, тот же результат. В гневе)* Ну я не знаю!

Тогда Нечаев разбегается и бьет плечом в дверь. Дверь распахивается.

Затемнение.

Снова павильон № 2. Юпитеры потушены. Павильон почти опустел. Остались только Блондинка, двое джазистов, Гитара и Ударник, и целующаяся пара. Девушка ест сосиски из целлофанового пакета. А Парень, искоса наблюдая за ней, что-то рисует на листе бумаги. Джазисты неторопливо беседуют.

Ударник. В жизни много странных совпадений. Мне, например, очень не везет на фамилию Сорокин. После истории с тигром Акбаром дали мне тигра по кличке Гамлет.

Гитара *(любопытнее)*. Отгрыз что-нибудь?

Ударник. Именно. Отгрыз руку у укротителя Сорокина-младшего.

Гитара. Что вы говорите!

Ударник. Сорокин-младший потом полгода на приживание ходил. Но руку тебе отгрызет кто хочешь, а вот попробуй ее приживить! За Сорокина-младшего я получил второе предупреждение.

Трубоч *(ходя)*. Углубились в работу. *(Раздавая листочки.)* Это листочки для импровизации. Здесь вся импровизация написана. Начали учить импровизацию наизусть.

Трио углубляется в листочки.

Девушка *(протягивая парню сосиску)*. Говяжья!

Парень. Спасибо. Но в час ночи я почему-то привык спать, а не есть.

Девушка. Ау меня, знаете, всегда аппетит, как у Ноздрева. А вы сейчас меня рисуете?
(Ест)

Парень. Нам бы познакомиться надо. Мы ведь с вами в некотором роде целовались.

Девушка. Ну ладно, ладно!..

Парень (*представляясь, гаерски*) Петя я. Художник я, Петя. Подрабатываю на ночных съемках.

Девушка. Аня. (*Проглотила кусок*) Сосисочки как не бывало. (*Напевая*) «Тира-рира, полюбила я жокея...»

Петя. И как же вы очутились, Аня, на ночной съемке?

Аня (*засмеялась*). Как я очутилась... Глупо. У моей тетки наступил день рождения. Я ей фартук купила в подарок. Правда, похвально? А потом вышла из магазина, разворачиваю фартук, а он на улице совсем другого цвета. Я бегом обратно и прошу продавщицу: «Девушка, перемените!» А она: «Нет!» Тогда я ее очень попросила, а она как заорет. И мне вдруг стало жутко. Представляете, у меня, может быть, были последние деньги, и я так прошу, а она орет! И тут я вдруг разревелась... Все смотрят, а я бросила фартук на прилавок и убежала. Пусть ей будет плохо. А ей будет плохо, потому что до нее дойдет потом, что она сделала. Ну какой же день рождения без подарка? И тут мне подвернулось это дело. Вообще здесь довольно интересно из познавательных соображений. Может быть, все-таки съедите сосисочку за маму, за папу?

Трубач. Начали импровизацию...

Трио (*хором*).

Едят люди искусства,
Едят молодые и старые.
Они пьют свою чашечку кофе
В творческом буфете.
А у аэропортов вздрагивающие
розовые глаза,
И глобус одет в клетку
Из параллелей и меридианов.

(*Вздохнули*) А-а-а!

Входят Зина и Фекин.

Фекин. Тишина в павильоне! Все на местах!

Входит Нечаев.

Нечаев (*мрачно, Фекину*). В комнате отдыха по-прежнему, не исправлен замок.

Фекин (*Зине, тихо*). Наш – не в духе. (*Нечаеву*) Будет починен.

Нечаев (*думая о ссоре с женой, опять мрачно*). На чем мы остановились?

Зина. На поцелуях.

Фекин (*деятельно*). Встали на места и начали поцелуи.

Петя и Аня целуются.

Нечаев (*очень устало*). Не так. (*Фекину*) Я ведь вас просил отрепетировать это без меня...

Фекин. Во-первых, вы не просили. Во-вторых, у меня был обед.

Нечаев. У вас целый день – обед. Неужели вы не могли... Целуйтесь снова, товарищи...

Аня (*решительно*). А я не буду! Я говорила, что я не умею!

Нечаев (*подумав*). Вы правы. И не надо.

Фекин (*испугавшись*). Мы сейчас научим.

Нечаев. Не надо. Этому нельзя научить. Это или умеют, или не умеют. На сегодня закончим.

Блондинка тотчас делает шаг вперед.

Фекин (*шепотом*). Мы можем ее попробовать?

Нечаев. Мы все можем, мы только не можем сделать ей другое лицо. Сколько отсняли сегодня?

Фекин. Сорок метров.

Нечаев. Чудно. На завтра ту же массовку. В целующуюся пару подберете другую девушку. До завтра, товарищи, благодарю всех! (*Уходит*)

Тотчас погасли юпитеры. Все начали расходиться. Петя, усмехнувшись, взглянул на Аню.

Аня. Бедная я. (*Открыв сумочку*;) И все-таки несмотря ни на что, наступил священный миг пудры. Попудримся, друзья!

Петя. Вы только не огорчайтесь. За сегодня они вам все равно заплатят трешник. За трешник вы купите великолепный подарок.

Аня, попудрившись, молча сидит.

О чем вы думаете?

Аня. Ни о чем.

Петя. Да... Если... (*Неловко*) Если вам идти далеко, моя мастерская через переулок.

Аня. Благодарю вас. Познавательные соображения не столь широки.

Петя. Ясно.

Аня. Я сказала глупость?

Петя. Нет, вы просто меня не поняли. (*Насмешливо*.) Я хотел взять своего друга и коллегу Юрочку и уйти с ним в ночь к нему домой. У нас все равно сегодня ночная работа... Ну да ладно... (*Передавая рисунок*) На память о наших поцелуях...

Аня. Это я!

Петя. Нет, это Бармалей. Там, на обратной стороне, начертан адрес мастерской. Если когда-нибудь захотите навестить, милости просим.

Аня. Все понятно. Помахали ручками на прощанье и разошлись. (*Разглядывая рисунок*) «Тира-рира, полюбила я жокея...»

Петя уходит. Аня взглянула на часы и печально покачала головой.

Трубач (*репетируя*). И в заключение пошла элегия. В гитарочке осень... листочки, понимаешь, кружатся... Все печально... то ли осень, то ли весна, то ли было, то ли будет...

Аня (*решительно поднимаясь*). Наплевать. Даже интересно. (*И пошла к выходу*)

Трубач. И по-гречески, лягнули!

Трио. А-а-а!

Затемнение.

Комната отдыха. Нечаев один.

Голос Фекина. До завтра!

Нечаев. До завтра.

Снимает пальто с вешалки, надевает шляпу, останавливается перед зеркалом, потом сдвигает шляпу набекрень и показывает себе в зеркало язык. Подходит к телефону и начинает набирать номер. Но, не набрав, кладет трубку и снова стоит у зеркала.

В день нашей смерти
Приходит ветер
Стереть следы наших ног на песке...

Он замолкает и стоит перед зеркалом.

И молчит. Затемнение.

Ночь. У входа в киностудию. Над входом длинный козырек. Над козырьком – светящаяся надпись «Киностудия». Под козырьком на ступеньках сидит Аня. Шум дождя. Из дверей выходит Нечаев.

Нечаев. Доброй ночи! Почему вы не уехали со всеми на автобусе?

Аня. Доброй ночи. Поцелуйчики закончились, так что можно я посижу здесь, без руководящих вопросов?

Нечаев (*садится тоже на ступеньки*). Дождь... Ни одной машины. Слушайте, вы зря на меня обижаетесь. Яне виноват, что вы не умеете целоваться. А вообще, если я что-то не так сказал, вы уж простите. Когда идет съемка...

Аня. А сейчас съемка не идет. Идет дождик, и вам скучно и хочется со мной поразговаривать. Ну разговаривайте. Только не надо всех этих «простите», «съемка». Что было, то было.

Молчание.

Ну что вы там приуныли? Ну давайте, разговаривайте. Нечаев. Ну давайте.

Аня. Ну давайте... Мне заплатят за съемку?

Нечаев. Да. Три рубля.

Аня. Дождь...

Нечаев. Дождь... (*Помолчав*) Вы помните какие-нибудь детские стихи про дождь?

Аня. Нет.

Нечаев. Жаль. Я раньше помнил, а теперь забыл. Очень жаль. Дождь!

Аня. Знаете, на худой конец я могу прочитать стихи про ежика.

Нечаев. Ну что же, давайте про ежика. Тоже выход.

Аня. Про ежика... Значит, про ежика... «Кто и спать тебя уложит, снял бы шкурку прочь. Глупый ежик, глупый ежик, как тебе помочь...» Неплохо?

Нечаев. Отлично... Сейчас я вам тоже прочту стихи. Я их просто сразу прочесть постеснялся. Я их целую неделю хочу кому-нибудь прочесть. И все не приходилось. А сейчас прочту. Это песня индейцев:

В день нашей смерти
Приходит ветер
Стереть следы наших ног на песке.
Ветер несет с собою пыль,
Которая скрывает
Следы, оставшиеся там, где мы прошли.
Потому что если было бы не так,
То было бы, будто мы еще живы.
Поэтому ветер
Приходит
Стереть
Следы наших ног на песке.

Молчание.

Аня. Интересно, когда мне что-нибудь очень нравится, у меня бегают мурашки по позвоночнику.

Нечаев. Да. Мне тоже очень нравится.

Аня. А что у вас случилось сегодня?

Нечаев. Почему вы так решили?

Аня. Не надо. Я на эти дела мастер. У нас на работе меня называют «старче», за мудрость, видимо.

Нечаев. У вас хохол на голове торчит, от мудрости.

Аня. Он у меня всегда торчит. Как у петуха. У меня и зуб передний выпирает. Правда, зато у меня есть две макушки. Говорят, это к счастью. Так что же у вас случилось?

Нечаев. Действительно, что?.. Пожалуй, ничего особенного. Вы ошиблись на этот раз, старче. Сначала было утро. Сегодня было удивительное утро – солнце, весна. И все беды, огорчения казались глупыми по сравнению с этим утром. И очень хотелось жить. И весь ты был сильный, и были надежды. Вот что может сделать солнце и утро! На работу я шел медленно, и все вокруг тоже медленно шли. И все говорили: «Скоро лето». И все были добрые от солнца. А потом была съемка. И, как всегда, началась какая-то беготня, и я стал таким же, как всегда: занимался очень важными делами, с кем-то ругался, бегал. И об утре и о солнце, конечно, забыл... Что же дальше? А дальше пришел другой человек. И поссорился со мной. Это тоже бывает всегда. А потом съемка закончилась оттого, что я к вам придрался. А потом я стоял перед зеркалом и показывал себе язык. Взрослые дяди, когда они остаются одни перед зеркалом, становятся ужасными детьми. И тут я опять вспомнил об утре, и мне захотелось пойти куда-нибудь в совершенно необыкновенное место. Быть свободным и чтобы что-то случилось. Но я не знал этого места. Но зато я отлично знал, что все кончится тем же, чем всегда: я просто пойду домой спать... Ну вот, кажется, дождь прошел.

Аня. Давайте прощаться.

Нечаев (после паузы, усмехнувшись). Давайте.

Аня. Я желаю вам не горевать. И если у вас будут какие-нибудь неприятности, вы всегда повторяйте про себя, как заклинание: «Ерунда, все перемелется, и такая мука будет, хоть пеки из нее ватрушки». Это помогает.

Нечаев. А что пожелать вам?

Аня. Что-нибудь земное. *(Насмешливо.)* Чтобы хохол у меня не торчал. И зуб не так уж выпирал. И чтобы к концу года у меня ноги выросли на два сантиметра... Ну прощайте!

Нечаев *(усмехнувшись)*. Нет. Здравствуйте!

Аня. Я не поняла.

Нечаев. А что ж тут не понять? Вам некуда идти. Вы здесь сидите, потому что наврали что-то дома... чтобы уйти на съемку на всю ночь. И теперь вы должны торчать где-нибудь до утра...

Аня *(нервно)*. Нет, какой вы проницательный! Удивительно! С кем бы вас сравнить? Я покорена! Я в восторге!

Нечаев. Перестаньте меня бояться.

Аня. А я не боюсь.

Нечаев. Вы боитесь, что я предложу вам что-то. Я не предложу.

Аня *(засмеялась)*. Черт возьми, сколько во мне бодрости. Я когда-нибудь погибну из-за своей бодрости. *(Вскочила)* Послушайте! Я вас очень прошу! Пойдемте со мной в одно совершенно необыкновенное место! Ведь вы мечтали сегодня попасть в необыкновенное место?

Нечаев. Например?

Аня. Ночь. Мастерская, и сплошные художники. Меня туда пригласили, только я туда боюсь идти одна. А мне очень нужно туда идти.

Шум подъехавшего такси.

Затемнение.

Мастерская художника Пети. Стеллаж с керамическими вазами – стилизация под греческие амфоры и грубые необожженные сосуды кочевников. В мастерской Петя и Нечаев.

Петя. Какая неожиданность! Потрясен, изумлен! *(Кричит)* Юрочка, иди потрясаться... Мой друг Юрий готовится к встрече, завязывает галстук. А где же застряла моя партнерша по поцелуям? *(Кричит)* Поцелуй, где вы?

Голос Ани. Мы тут, мы переодеваем ботинки.

Петя. Поцелуй переобуваются. *(Нечаеву)* Чем бы вас занять?

Нечаев. Ничего-ничего. Я просто посижу... Посмотрю...

Петя. Правильно. Оглядывайтесь вокруг. Изучайте жизнь. *(Замахал руками.)* Нет, не верю! Вы пришли! Вы – Зевс, громовержец! И вдруг посетили скромного человека из массовки. До чего демократично наше искусство! Да, позвольте представиться. Мы с Юрочкой, так сказать, рядовые художники. Состоим на службе оформителями в журнале «Юная техника». В тот незабываемый миг, когда вы, так сказать, пересекли наш порог, мы как раз отражали взрыв в галактике М-62. Это радостное событие произошло двенадцать квадрильонов лет назад. Но человечество об этом узнало лишь вчера. У нас ведь все с опозданием – провинциальная планета!

Входит Аня.

Не прошло и получаса, как поцелуй переобулись. Какова прическа!

Аня. Да ну вас!

Петя. Да ну меня. Нет, до чего она прекрасна! О! Юрочка, иди быстрее посмотреть, как она прекрасна.

Молчание.

Чем бы вас занять?

Аня. Если можно, поставьте чай, а то я крайне забочусь о своих гландах...

Петя. Конечно, ваши гланды предпочли бы... Но мы ее, проклятую, не держим по причине дорогой ее стоимости. Все деньги тратим на глину. Так что ограничимся чаем с сахаром. *(Включает чайник.)* Вообще, наша мастерская нетипичная.

Всюду сейчас на гитарах играют. Испания. А у нас даже гитары нету... по причине, что играть не умеем. Правда, магнитофон есть. Юрий смастерил. Золотые руки – этот Юрий. *(Кричит.)* Юрий, золотые руки! *(Нечаеву)* Завязывает галстук. Знаете, вы пишите с него типа. Редкий человек. Встретились мы с ним необычайно. Иду я как-то в спокойствии чинном мимо витрины магазина «Колбасы». Смотрю, человек висит, за ногу привязался и колбасы фигурно укладывает. Это и был он, о Юрий!.. А кроме того, Юрий – мыслитель. Пишет трактаты по искусству. Как Леонардо да Винчи. Он даже заимствовал у Леонардо восклицание «о!». Все трактаты у Юрия начинаются с «о!». «О художник!» А заканчиваются: «Да будет так!» *(Кричит)* О Юрий, тебя ждут. Да будет так!.. Ну ладно, в ожидании Юрочки заведем магнитофон. О наш спаситель! Как хорошо, что ты есть. Без тебя, собравшись, пришлось бы о чем-то разговаривать, о чем-то думать, а так заведешь – и всласть погрузишь, безмолвно. Начнем?

Нечаев *(он очень стесняется и совсем потерялся)*. Вы знаете... В общем, это необязательно...

Петя. Да, конечно, дурной тон! Да будет так! А зря, в магнитофоне есть своя истинность. Ну лады! Пойду поглядеть на Юрия, а то он от смущения, может быть, галстуком удавился. *(Уходит)*

Аня. Вам здесь не нравится?

Нечаев. Я им почему-то не нравлюсь. *(Усмехнулся)* Ну, в общем, ладно.

Аня. Странно, вчера я не знала ни вас, ни его. Когда люди не знают друг друга, они как будто живут на разных планетах.

Возвращается Петя с Юрочкой. Юрочка – аккуратно одет и в галстuke.

Петя. До чего хорош! И она тоже до чего хороша! Они оба до чего хороши!

Юрочка молча и невозмутимо разливает чай.

Нет, серьезно, пишите с него типа. Во-первых, молчалив. В наше время – редкость. Все ныне болтают и болтают. А у Юрия есть теория: «Человеку дан один язык и два глаза». В этом Юрий видит как бы намек на то, что нужно говорить в два раза меньше, чем видишь. Поэтому он молчит совсем. И я вынужден говорить за нас обоих. Так, Юрочка?

Молчание.

Юрий отвечает, что именно так. Сахару?

Нечаев. Спасибо.

Петя. Ну, если вы когда-нибудь придете с водочкой и напоите Юрия, на него сразу стих находит. Только стихами и пуляет. Юрий, пульни стихами в честь гостей.

Молчание.

Юрий говорит, что не пульнет.

Нечаев. Можно мне мастерскую посмотреть? Петя. Да будет так. О Юра, покажи ему мастерскую.

Юрочка уходит с Нечаевым.

(*Аня*) Вторая встреча... Не много ли для одного дня?

Аня. Почему... вы такой?

Петя. Я другой. Да? Вы тоже сейчас другая. Мы все и всегда другие. В этом жизнь... Вы знаете, когда я вас увидел, я испугался. Я подумал, что вы наивны и что вас просто съедят на стезе кинематографа... как ту сосисочку... О, я святая простота! Она сама режиссера с ходу цап-царап – и съела. Правильно, глотай их, болезных! А вообще, меня все это не интересует. Мне лучше сохранять с вами хорошие отношения. Нам, по всему видно, опять придется целоваться завтра?

Возвращаются Юрочка и Нечаев.

(*Нечаеву*). О чем же мы дальше поговорим? О ваших фильмах, конечно. К сожалению, не видели. Времени у нас с Юрием мало. Мы с Юрочкой смотрим лишь те фильмы, которые нам понравились в детстве. Боимся рисковать, так сказать... Поэтому «Бемби» мы смотрели пятьдесят семь раз. Так что эта тема отпадает. Нет-нет, мы знаем, что вы достаточно известный режиссер. Не так чтобы очень, но достаточно. Но будете еще известнее. Я это сразу понял, как ваш джаз увидел. А что, если вам для необычности ввести в картину еще Ивана Грозного и запузирить какой-нибудь двусмысленный диалог типа... Ну как жизнь, Иван? Все репрессируешь? А у нас тут новость: холоп с колокольни прыгнул. Крылья испытывал. Ну конечно, мордой об землю – интеллигенция. Ну сами знаете... (*Остановился.*) Вы достаточно обиделись на меня?

Нечаев. Достаточно.

Петя. Значит, настало время спросить, как вам понравились мои вазы?

Нечаев. Очень понравились.

Петя. Это почему ж так?

Нечаев. Есть какое-то поразительное ощущение материала. Эти вазы сами по себе – скульптура.

Петя. Чушь! Все вазы, которые вы видели, – дрянь, декадентство. Это для меня пройденный этап. В них слишком много крику. Вот были Бах, Шекспир. Они могли позволить себе быть простыми. Они могли разговаривать с Господом о подтяжках. И Бог их слушал, потому что внутри было много. В искусстве есть художники. Они отражают то, что сами чувствуют. И инженеры. Они конструируют вещи. Им плевать на то, что они чувствуют.

Для них главное, чтобы вещь нравилась. Часто все это перемешано в одном человеке. Я желаю, чтобы в вас победил инженер. Так для вас будет легче.

Аня. Уже пять часов. Туфли высохли.

Петя. О радость! У поцелуев высохли туфли. Мы их, пожалуй, принесем с Юрочкой. Ты хочешь их принести, Юрочка?

Молчание.

Юра говорит, что хочет. (*Уходят*)

Нечаев (*после паузы*). Вы приходите завтра на съемку, ладно?

Аня. Зачем?

Молчание.

Может быть, приду. Смешно. Сейчас мы выйдем из этого дома, и потом наступит завтра. И мы опять будем на своих планетах.

Нечаев. Если вы не придете, вы позвоните мне со своей планеты. Как там у вас насчет зуба и хохла? Мой телефон...

Аня. Не надо. Терпеть не могу записывать телефоны. Нужно будет, сама найду. Дайте вашу ладонь. *(Берет его руку)* Ну вот... *(Гадая по руке)* Все у вас будет замечательно. Вы зря грустили.

Нечаев. Я тоже в этом уверен. Только это правая рука, а гадают по левой.

Аня. А у меня две макушки, я могу – по любой руке.

Возвращаются Юрочка и Петя. У каждого по туфле.

Аня *(надевая туфли, смеется)*. Спасибо.

Петя *(усмехаясь)*. До завтра, видимо?

Аня. До завтра.

Нечаев. Спасибо за чай.

Аня и Нечаев уходят.

Юрочка *(весело, после паузы:)*. Она мне очень понравилась.

Петя *(усмехнувшись)*. Не про нас с тобой эта девушка... не про наши с тобой рожи.

Юрочка. Да будет так!

Затемнение.

Квартира Нечаева. Нечаев открывает дверь, входит в комнату, садится в кресло и молча сидит.

Жена *(из другой комнаты)*. Ты?

Нечаев. Да.

Жена *(ласково-ворчливо)*. Ну вот, разбудил, конечно.

Нечаев. Спи. Еще очень рано.

Жена. Как хорошо, что ты меня разбудил. *(Смех)* Как хорошо, что я не уехала... Да?..

Нечаев. Да.

Жена. Ну где ты там?

Нечаев. Сейчас я докурю.

Жена *(уже играя сонное состояние)*. Докурить можно и здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.